

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОСПРИЯТИЕ КРЕСТЬЯНСКИМ СООБЩЕСТВОМ НЕМЕЦКИХ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1914 Г. (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Э.Е. Абдрашитов

Кафедра государственно-правовых дисциплин
Казанский юридический институт МВД России
Оренбургский тракт, 128, Казань, Россия, 420110

В статье на основании архивных источников, периодических изданий и источников личного происхождения производится реконструкция образа «чужого», а также трансформация его в образ «врага» в сознании российских крестьян в 1914 г. Автор на примере анализа общественного дискурса крестьянского сообщества Казанской губернии проводит параллели с общероссийским универсумом и определяет специфические для указанного региона черты восприятия врага.

Ключевые слова: Первая мировая война, крестьянство, Казанская губерния, военнопленные, образ врага, общественно-политический дискурс.

История Первой мировой войны немыслима без анализа и переосмысления истории военного плена. Долгое время тема эта находилась в тени, однако в последнее время сообщество профессиональных историков обратилось к указанной проблематике (1). При этом практически неразработанной остается тематика восприятия военнопленных и интернированных подданных стран Тройственного союза обывателями российской провинции. В данной статье производится реконструкция общественно-политического дискурса сельского сообщества Казанской губернии в связи с проживанием и работой пленных в деревне. Трансформация образа «Чужого» в образ «Врага» и диверсификация данного образа и является объектом рассмотрения данной статьи.

Нехватка рабочих рук носила системный характер. Была ощутима нехватка трудовых ресурсов в строительстве и лесной промышленности. По

отзыву Казанской казенной палаты, многие строительные работы в городе были прерваны или отложены именно по этой причине, а выработка леса сократилась на 50% только за 1914 г. (1). Первая мировая война отвлекла из села значительное количество работников. По замечанию ряда представителей отдела статистики МВД в сельском хозяйстве, нехватка рабочих рук в 1914 г. ощущалась не очень остро за счет того, что сельскохозяйственные работы на момент начала войны были практически окончены (2).

Столь оптимистичное заявление вызывает вполне обоснованную критику, так как в сентябре – октябре 1914 г. в сельские регионы Казанской губернии уже направлялись достаточно крупные партии военнопленных австро-венгерской и германской армии; власти и земство губернии зимой 1914–1915 гг. обратились в Министерство внутренних дел и военное ведомство с просьбой о предоставлении губернии военнопленных с целью использования их труда в сельском хозяйстве (3).

Таким образом, можно констатировать объективную потребность в рабочих руках военнопленных в сельском хозяйстве как трудоемкой отрасли народного хозяйства. Недополучение урожая могло иметь катастрофические последствия, как для фронта, так и для тыла страны. Пока в обществе и у политической элиты страны царило ощущение скорого окончания войны, проблема массового привлечения военнопленных для нужд сельского хозяйства не стояла так остро; процедура была сложна и излишне забюрократизирована. Ситуация изменилась весной 1915 г.

Первоначально восприятие пленных в деревне было нейтральным. Архетипы сознания рисовали сельским обывателям чванливых неженков, крайне далеких от реальной жизни в селе. Таким образом, большинство крестьян полагали, что пленные неспособны качественно работать на земле. Подогревали эту проблематику и публикации в газетах, направленные на дискредитацию военнопленных. Корреспонденты газет (например «Город Казань») писали: «В глухой русской деревне пленные являются тяжелым бременем для целой волости. Они за редким исключением не желают есть обычную пищу, которой питаются наши крестьяне. Они требуют скромненького – масла, яиц, мяса, все то, что наши крестьяне едят в большие праздники. Каждая сотня пленных требует соответствующего количества хорошо вооруженной стражи, а для такой службы нет ни людей, ни вооружения» (4). Таким образом, пресса старалась усилить образ «Другого» в сознании обывателей. Однако целевой аудиторией подобных публикаций были горожане, а не жители села, влияние пропаганды на последних было минимальным; информация в основном доходила косвенно в виде слухов (5).

Рядовые действующей российской армии (в недалеком прошлом крестьяне) в своих письмах на родину в 1914 г. выказывали резкое неприятие пленных на селе. Они полагали, что нельзя допускать «немца» до земли русской, ибо испоганит он ее своим отношением (6).

Во многом колебания в общественном представлении о пленных и их труде базировались на мифологемах. Огромную роль в создании их можно отнести царю и его окружению, которые с первых дней войны демонстрировали сочувствие к «братьям-славянам», воюющим с Россией по принуждению. Региональные власти стремились держаться той же позиции.

При этом следует отметить неразбериху, которая существовала в вопросе определения национальной принадлежности пленных. Малограмотные служащие военного ведомства или не искушенные в тонкостях национальных хитросплетений Австро-Венгерской империи чиновники часто ошибались и приписывали пленных произвольно к той или иной национальной группе. Например, многие словаки проходили по статистике как словенцы и наоборот. Часто пленных приписывали к доминирующей группе. Например, к немцам относили и богемцев, и прусаков, и саксонцев. В то же время многие этнические немцы записывались австрийцами, по принадлежности к армии, в составе которой они попали в плен. Губернатор Казанской губернии неоднократно обращался к народу с разъяснениями (на протяжении 1914–1916 гг.), где указывал, что часто люди путают военнопленных с интернированными лицами.

Учитывая тот факт, что крестьяне в основном ориентировались на мнение представителей власти на местах, которые демонстрировали полное непонимание этнической и религиозной ситуации с военнопленными, образ «чужого» не мог сформироваться целостным и монолитным.

В общественном сознании россиян образ военнопленного сегментировался на ряд составляющих по этническому признаку. Так, немцы считались посредственными сельскохозяйственными работниками, так как руками работать не умели, но, напротив, их потенциал оценивался высоко, когда речь шла об использовании их в качестве рабочих. А пленных славянской национальности наоборот считали хорошими крестьянами.

Мифологемы восприятия пленных детерминировали и трудовое использование их. Так, в городском хозяйстве в основном использовали труд немецких пленных и мадьяр, в сельское хозяйство направляли в основном представителей славянских национальностей. Связывалось это с позицией высшего руководства страны, гарантировавшей славянам более мягкие условия содержания, а сельскохозяйственные работы считались привилегированными, отношение к пленным там было мягче; второй момент заключался в том, что и к труду на земле «славяне» были более привычны. В общественном сознании тиражировался образ общеславянского братства.

Так, князь П.Л. Ухтомский высказывал предпочтение славянам, в качестве исключения указывал на возможность привлечения к сельскохозяйственным работам румын или мадьяр; а вот от немцев он категорически отказывался, отмечая, что они фабричные рабочие и с камнем за пазухой. Крестьяне отмечали затруднения, возникающие в процессе общения с пленны-

ми немцами (особенно это касалось нерусских деревень), а также непониманием сельскохозяйственной техники (в Германии и Австрии уровень агрокультуры был выше в плане механизации) (7).

По этим причинам труд пленных в сельском хозяйстве практически не применялся в Ядринском, Чебоксарском, Цивильском, Царевококшайском, Космодемьянском уездах Казанской губернии.

Однако в тех уездах Казанской губернии, где труд пленных использовался активно (Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Чистопольский уезды), работодатели отмечали труд пленных с позитивной стороны. Даже первые отклики о качестве труда военнопленных были положительными. Соответственно, количество запросов с просьбой о выделении пленных росло. Необходимо отметить, что существовали некоторые проблемы с использованием труда военнопленных. Многие из них подорвали здоровье в окопах и в лагерях, поэтому они часто болели, но это сельских обывателей не смущало.

Уже к декабрю 1914 г. пленных начинают использовать повсеместно, в том числе пленных славянского происхождения привлекали к городским работам. Пленные появились практически во всех уездах Казанской губернии.

Доминирующим трендом восприятия было любопытство и удивление (8). Крестьяне, жившие своим замкнутым миром, испытывали неподдельный интерес к заморскому люду. «Чужаки» вызывали любопытство у молодых крестьян, интерес у барышень и целую гамму чувств, в общем, которую можно определить как уважение у оставшихся в селе мужиков.

Первоначальный интерес был связан с тем, чтобы в лицо увидеть врагов, которые бьют (или которых бьют) на фронте. Как оказалось, это такие же люди, а не полумифические существа, зверству и жестокости которых поражалась вся местная печать. Вообще следует отметить, что восприятие военнопленных на первых порах было серьезно мифологизировано. Локально-региональное сознание большинства сельских обывателей не позволяло им сформировать образ врага, который был полностью замещен в их сознании бульварными мифологемами.

Во-первых, удивляло то, что многие либо говорили, либо понимали по-русски. Особенно это касалось русин, поляков, сербов.

Во-вторых, многие были единоверцами сельских обывателей. Первоначально наличие у многих пленных нательного креста вызывало культурный шок у крестьян, которые полагали, что все враги «нехристи». С их точки зрения, ношение креста было направлено на то, что бы задобрить местное население, сойти за «своих». Однако по мере узнавания друг друга сомнения рассеялись. Конечно, крестьяне с усмешкой отзывались о некоторых причудах военнопленных (особенностях религиозных обрядов), но в целом относились с уважением к их внутренним убеждениям.

В-третьих, шокировало их то, что пленные в большинстве случаев были до войны крестьянами; сталкивались на родине примерно с такими же проблемами, выращивали практически такие же культуры, что и земледельцы Казанской губернии.

В-четвертых, вызывал уважение уровень образованности. Учитывая факт тотальной безграмотности русскоговорящих крестьян, пленные казались им образцом воспитанности и культуры. Отмечалось и то, что они практически не употребляли алкоголь. Впрочем, в татарских деревнях уровень образованности был выше, поэтому пленные особо не выделялись на фоне обывателей уровнем знаний. Это вызывало уважение среди крестьян к военнопленным и определяло их условия содержания (9). Диалог между крестьянами и военнопленными имел положительные последствия для налаживания взаимовыгодного сотрудничества.

Немаловажным было то, что в среде сельских обывателей наличие батраков в хозяйстве всегда считалось престижным. Наличие пленного в хозяйстве еще больше повышало авторитет сельских хозяев. Учитывая факт, что в условиях неразберихи получить пленного мог любой крестьянский двор, даже не зажиточный, это вызвало ажиотаж. По приезду «их тот час же селяне начинают делить между собой. Богатые берут по 3–4 человека, победнее – 1–2... обделенные выпрашивают “хоть одного австрияка” у тех, кому досталось 3–4» (10).

Сведения о повседневной жизни военнопленных, к сожалению, сохранились весьма фрагментарные. Часть военнопленных жила в хозяйственных постройках, другие проживали вместе с семьей нанимателя. Пленные в деревнях питались хорошо; их рацион не шел ни в какое сравнение с питанием пленнорабочих. Пленные в деревнях и селах, как правило, были расквартированы по 2–3 человека; жили они и питались вместе с крестьянской семьей без всякого надзора со стороны местных властей (11). Как отмечали репортеры ряда региональных средств массовой информации, пленные на работах отъедались.

МВД Российской империи крайне болезненно реагировало на подобные сообщения в газетах. По мере того, как в стране продукты первой необходимости дорожали, сведения о том, что враги страны чересчур хорошо питаются, вызывало брожение умов и недовольство среди городских жителей.

Вторым фактором, вызывающим раздражение городского населения, были сообщения в газетах о чрезмерно вольной жизни пленных у сельских обывателей. Дело в том, что формально разрешалось отправлять на работы партии, состоящие из не менее чем 100 военнопленных. В реальности крестьянам требовалось по несколько человек, а крупным сельским экономиям – несколько десятков человек. В этой ситуации наладить систему контроля над военнопленными со стороны сил правопорядка не представлялось возможным. Вся стража деревни подчас заключена в одном уряднике (12).

Несмотря на то, что со стороны МВД в течение 1914 г. пришло несколько циркулярных писем, предписывающих усилить меры дисциплинарного воздействия на пленных, ситуация оставалась неизменной.

Конечно, на время проверок условия содержания пленных приводились в соответствие с требованием нормативно-правовых актов, но спустя некоторое время восстанавливалось нормальное течение жизни. Во многом играло роль то обстоятельство, что у крестьян в основном работали пленные славянской национальности, и проводить усиление мер дисциплинарного воздействия среди этого контингента не представлялось возможным. Поэтому представители других национальностей «влились в струю».

Уже через короткое время можно отметить возникновение отношений круговой поруки между крестьянами и военнопленными. Крестьяне иногда злоупотребляли своими правами, но и закрывали глаза на «шалости» пленных, даже на их самовольные отлучки.

Таким образом, можно констатировать, что формирование образа «чужого» среди сельских обывателей не имело успеха. Целенаправленная пропаганда и агитация посредством региональной прессы не имели успеха в виду крайне незначительного распространения среди крестьян. Информация в основном передавалась посредством слухов от тех лиц, которые бывали в городах, претерпевала искажение и «литературную обработку». В тех уездах Казанской губернии, где труд военнопленных в сельском хозяйстве применялся повсеместно, восприятие в короткие сроки становилось положительным. Совместный труд, даже при наличии проблем, связанных с непониманием иностранного языка, сглаживал многие противоречия. И, напротив, там, где труд пленных использовался в минимальных количествах, сохранялось отторжение, базировавшееся на мифологемах, созданных посредством слухов, а так же архетипах сознания.

Серьезным ударом по созданию монолитного образа «чужого» являлась сегментация сообщества военнопленных по национальному и религиозному признакам. Центральная власть, по сути, вела дискриминационную политику по отношению к разным этническим и религиозным группам военнопленных.

Региональные власти, точно улавливая веления «сверху», не стремились сиюминутно и точно воплощать их в жизнь, ибо, во-первых, они расходились с требованиями законодательства, а во-вторых, мнение могло измениться, а последствия пришлось бы устранять губернаторам. Поэтому на словах региональные власти демонстрировали солидарность с царской семьей и ее окружением, а в реальности не реализовывали их волю в полном объеме, создавая видимость работы. Власть имущие на местах, видя подобное положение дел, просто выжидали и действовали по инструкциям и предписаниям. Крестьяне же в этой ситуации жили в соответствии со своими представлениями о «чужих», сложившимися задолго до войны слухами и мнением местных авторитетов. В итоге целенаправленное формирование образа врага в 1914 г. в деревне вообще потерпело фиаско.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой войны: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2011. – № 1. – С. 120–132; *Ниманов Б.И.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2009. – № 2. – С. 53–61; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX в. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006; *Она же.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2009. – № 4. – С. 111–127 и др.
- (2) Военнопленные и сельское хозяйство // Казанский телеграф. – 1915. – 30 января. – № 6495.
- (3) Работы для военнопленных // Казанская газета. – 1914. – № 37.
- (4) Мы и наши пленные // Город Казань. – 1914. – 18 сентября.
- (5) Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 1329. – Л. 4.
- (6) НА РТ. – Ф. 1 – Оп. 6 – Д. 1073. – Л. 185.
- (7) НА РТ. – Ф. 1 – Оп. 6 – Д. 1320 – Л. 33.
- (8) Самара и война // Волжский день. – 1915. – 20 января. – № 15.
- (9) Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки Поволжского Федерального университета им. В.И. Ульянова-Ленина (ОРРК НБЛ). – Ф. 2530.
- (10) Приехали австрийцы // Волжское слово. – 1915. – 7 февраля. – № 28.
- (11) ОРРК НБЛ. – Ф. 2530.
- (12) Мы и наши пленные // Город Казань. – 1914. – 18 сентября.

REFERENCES

- (1) Nimanov B.I. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2009, no. 2, pp. 53–61; Nagornaja O.S. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2011, no. 1, pp. 120–132; Senyavskaya E.S. *Protivniki Rossii v voynakh KhKh v. Evolyutsiya «obraza vruga» v soznanii armii i obshchestva* [Russia's enemies in the wars of the twentieth century. Evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moscow, 2006, 288 p.; Senyavskaya E.S. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2009, no. 4, pp. 111–127.
- (2) *Voennoplennye i sel'skoe khozyaystvo, Kazanskiy telegraf*, 1915, 30 January.
- (3) *Raboty dlya voennoplennykh, Kazanskaya gazeta*, 1914, no. 37.
- (4) *My i nashi plennye, Gorod Kazan'*, 1914, 18 September.
- (5) *Natsional'nyy arkhiv respubliki Tatarstan* (NA RT), f. 1, op. 6, d. 1329, l. 4.
- (6) *Ibid.*, d. 1073, l. 185.
- (7) *Ibid.*, d. 1320, l. 33.
- (8) *Samara i voyna, Volzhskiy den'*, 1915, 20 January.
- (9) *Otdel redkikh rukopisey i knig nauchnoy biblioteki Povolzhskogo Federal'nogo universiteta im. V.I. Ul'yanova-Lenina* (ORRK NBL), f. 2530.
- (10) *Priekhali avstriytsy, Volzhskoe slovo*, 1915, 07 February.
- (11) ORRK NBL, f. 2530.
- (12) *My i nashi plennye, Gorod Kazan'*, 1914, 18 September.

**PERCEPTION OF IMAGE
OF GERMAN AND AUSTRO-HUNGARIAN PRISONERS
OF WAR BY PEASANT COMMUNITIES IN 1914
(ON DOCUMENTS OF KAZAN PROVINCE)**

E.E. Abdrashitov

Department of State-legal Disciplines
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Orenburgsky Trakt, 128, Kazan, Russia, 420110

The author analyzed the public discourse of the peasant community of Kazan province of the Russian Empire, revealed common nationwide universe model of perception, as well as have a number of unique features for the specified region of perception of the enemy. Farmers relied on the opinion of local authorities misunderstand the nuances of ethnic and religious situation of prisoners of war, so the image of the "alien" could not be formed integral and monolithic. Archetypes of consciousness transformation of rural inhabitants from neutral to hostile perception of prisoners was deformed contradictory attitude of the royal family and the higher ranks to them, as well as the dissonance between personal experiences with prisoners, feelings and mood soldiers. Great importance was the province of the national structure. Foreigners treated prisoners qualitatively different, rather than Russian Orthodox subjects. The negative attitude of the Russian government to the prisoners caused only compassion and understanding their plight. While praising – alarmed. As a result of the transformation of the image of the "other" in the image of the "enemy" in the village suffered a complete fiasco.

Key words: World War I, the POWs, the image of the enemy, the socio-political discourse.